

The background is a painting of a woman's face, possibly a religious figure, with a crown of golden spikes. The woman has long, flowing hair in shades of red, white, and blue. The painting is done in a thick, expressive style with visible brushstrokes. The overall tone is dark and dramatic.

Теона Мон
Великая

**из
рода
Гранде**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Теона Мон

Великая из рода Гранде

<https://litres.ru/74659094>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вооружившись холодным расчётом, верными союзниками из тьмы и жадой отмщения, Лючия превращается в ледяного стратега. Каждое её решение пропитано кровью, а каждый шаг приближает крах тех, кто заставил её пройти через ад. Но какова цена абсолютной власти, когда на пути к цели приходится сжечь собственные остатки человечности?

Теона Мон

Великая из рода Гранде

"Нет на свете злее и страшнее существа чем женщина, пережившая страдание и нашедшая силу в этой самой страдании."

1

Вокруг было шумно. Все шушукались, указывая пальцем на эрцгерцогиню, которой пренебрегал даже собственный муж. Она была благородной женщиной лишь на словах, а на деле к ней относились хуже, чем к простолюдинам, из-за матери-служанки. С детства мачеха не жалела сил и времени, чтобы измываться над ней, что потом начали повторять и ее дети — сводные братья Катарины, Лоуренцо и Казимо, а также сводная сестра Тереза. Ее отец, видя всё, отворачивался, будто старшая дочь не была ничем иным, как никчемным созданием, не достойным его внимания. Когда ей исполнилось шестнадцать, императрица приказала выдать ее замуж за эрцгерцога Абенсераги из желания опозорить единственного младшего брата императора империи Арно, чтобы тот не смел посягать на трон, который по наследству должен перейти ее сыну Лорену.

Катарина Борджелло де Питти была пятном позора на роду Борджелло и Абенсераги. Немая герцогиня, которая даже не может поддержать светскую беседу.

— Она так вырядилась, точь-в-точь как павлин.

— Даже дорогой шелк не скроет ее убожества.

— Как же жаль эрцгерцога. Он мог жениться на своей возлюбленной принцессе Марии из Кавальканти, но из-за жалости стал мужем той, кто даже не сможет с ним говорить.

— Она настоящее пятно в истории аристократии Арно. Ужасно...

— Тише. Говорят, она немая, но хорошо слышит.

— И что с того, что она слышит? Говорить-то она не может.

Люди усмехались, бросая эти колкие слова. Катарина украдкой посмотрела на своего мужа, который невозмутимо сидел рядом с ней, наблюдая за церемонией святых. Джулиано активно делал вид, что ничего не слышит, хотя только глухой не услышал бы разговоров этих светских дам. Они уже год были супругами и жили под одной крышей, но не в одной комнате, как настоящие супруги. Девушка знала, что, как и для отца, она была пустым местом и для своего мужа. Невидимка, которой стоит жить тихо и встретить свою смерть так же тихо и незаметно, чтобы максимально не причинить неудобства своим благодетелям. Она в некоторой мере была благодарна ему за это. В его имении все ее просто игнорировали: не издевались и не били. Ей была по нраву подобная жизнь, хоть она и не отличалась от существования забытого питомца.

Вдруг раздался звук колокола, оповещающая о начале церемонии. Ее священники проводили каждый год в день смерти святого Романа. Обряд состоял в том, чтобы поочередно погружать в бассейн со святой водой священнослужителей в надежде увидеть их прошлую жизнь в отражении воды. В истории империи Арно говорилось, что святые именно так пробуждали свои целительские силы: погружаясь в воду, они открывали свое второе сознание, хранящее их прошлое, и выпускали его наружу. Тем временем, пока они возвращали забытые воспоминания, люди вокруг тоже могли видеть их в отражении воды. В этой воде невозможно было утонуть или захлебнуться, поэтому никто не боялся оставаться под водой долгое время, пока святой отец не скажет выйти.

— Последний святой умер 126 лет назад. Есть ли шанс, что он появится теперь? — задался вопросом Лоренцо, который сидел на соседнем балконе вместе с семьей.

— Мы должны надеяться на лучшее, брат, — ответил Казимо. — Нам нужна вера, чтобы солдаты продолжали держать оборону от всё время атакующих наши стены монстров.

На самом деле Казимо, военачальников и императора волновали не только монстры по другую сторону стен, появившиеся еще тысячу лет назад как кара божья и убивавшие всех на своем пути, но еще и другие государства, с которыми они граничили. Из-за долгого отсутствия святого в их рядах

все начали терять надежду и былую силу. Некогда защитники человечества, империя Арно, построившая великую стену, отгораживающую от монстров, остались меж двух огней. С одной стороны — монстры, а с другой — соседи, которые были готовы их покорить. В такие времена им как воздух нужен был святой, который поднимет боевой дух солдат и станет надеждой народа.

Подобную надежду хранили и юные священнослужители. Каждый из них жадное желал стать тем единственным, кто удостоится всеобщего уважения и поклонения. Ради этого дня они с юных лет жили в храмах и с утра до ночи молились Богу, открывая ему свои самые сокровенные желания и тайны.

Мальчики и девочки, укутанные в белые одеяния, выстроились в два ряда, ожидая момента, когда по очереди начнут погружаться в бассейн. Главный священник вышел вперед и сложил руки. Его примеру последовали все, даже император. Закрыв глаза, они начали молиться, а Катарина тем временем без единой надежды слушала молитву главного священника. Она лишь желала поскорее покинуть это место, где ее никто не хотел видеть, и, вернувшись в имение, закрыться у себя в комнате. Ей очень нравилось, укутавшись в теплое одеяние, читать книгу у окна, время от времени наблюдая за прекрасным садом и одиноким деревом посередине.

После долгой молитвы, протянувшейся на шесть с половиной минут, главный священник коротким кивком головы дал свое разрешение двум служителям, стоявравшим перед выстроившимися рядами. Первый из них, стоявший перед рядом мальчиков, сделал шаг вправо и протянул руку, чтобы один из мальчиков, взявшись с ним за руку, погрузился в воду. Тот, медленно переступив, вошел в воду и пробыл там две минуты. После звонка колокола мальчик вышел из воды — расстроенный, с опущенной вниз головой. За ним последовал второй, третий, и так дальше, пока очередь не дошла до девочек, но и среди них никто не смог ничего показать. Все в зале расстроено выдохнули, а император неодобрительно фыркнул, из-за чего главный священник съежился, испытывая укол вины, хотя виноватых тут не было.

Колокол снова зазвенел, и благородные замужние дамы встали со своих мест, как и Катарина. Люди Арно также верили, что если замужние женщины помолятся перед святой водой, они смогут забеременеть и обязательно родят сильного и мудрого ребенка, который защитит их род.

Катарина впервые должна была пройти через это. Джулиано не обязывал ее, но императрица настояла на этом, оправдывая всё переживаниями о том, что эрцгерцогиня Абенсераги еще не носит под сердцем ребенка — наследника для

своего мужа, хотя они женаты уже год. На самом же деле императрице доставляло забаву видеть, как Катарину бросает в дрожь при приближении к большому скоплению воды (даже больше, чем воды в ванной). Она отлично помнила рассказ Элизии Борджелло, своей сестры, о том, как Лоренцо коротал время, скидывая с лодки тогда еще маленькую Катарину и наблюдая, как она барахтается. Эмилия часто упрекала младшую сестру в жестокости, но и сама теперь начала получать удовольствие от мучений юной леди. Так она вымещала на ней свой гнев, который не могла выместить на Джулиано, обладавшего безупречной репутацией и имевшего больше власти, чем ее сын.

По желанию императрицы Катарина встала по ее левую руку, в то время как ее мачеха стояла справа. Девушка пыталась всеми силами скрыть свой ужас, когда они сели на краю бассейна и начали молиться. Она крепко зажмурила глаза, пытаясь представить себе прекрасный сад дома Абенсераги, но мысли вновь и вновь возвращались к тем временам, когда ее умышленно топили в реке в детстве.

«Прошу, скорее...»

Катарина взмолилась Богу, к которому не раз обращалась и оставалась неуслышанной. Минуты тянулись долго и мучительно. Девушка вся побледнела и уже чувствовал,

как паника накрывает ее с ног до головы. Она была готова вскрикнуть, но императрица сжалилась над ней и произнесла: «Аминь», — знаменуя конец молитвы. Все леди за их спинами тихо хихикали, но юная герцогиня не слышала их. Она, словно птица, увидевшая открытую дверь клетки, поспешила встать со своего места, чтобы убраться подальше от страшного для нее бассейна, но совсем не ожидала, что сидевшая за ее спиной маркиза решит пошутить еще сильнее и нечаянно толкнет ее вперед. Ни императрица с герцогиней Борджелло, ни сама маркиза не ожидали, что Катарина с тихим вскриком упадет в воду, однако они ничуть не ужаснулись случившемуся, а с насмешкой наблюдали, как девушка барахтается в бассейне, не в силах оттуда выбраться.

— О боже, — наигранно вскрикнула императрица. — Помогите ей кто-нибудь! Она, видимо, впала в панику.

Ближние священнослужители, знавшие, что в священной воде невозможно утонуть, бросились вперед на голос императрицы, но моментально замерли на месте от услышанного. Всё в зале от внезапного шока встало со своих мест, ошарашенно вглядываясь в бассейн. В нем начали появляться незнакомые, словно размытые картины воспоминаний эрц-герцогини.

— Как же тебя зовут?

Громкий женский голос испугал присутствующих, и в этот момент Катарина резко остановилась, замерев в воде, которая очень быстро успокоилась, создавая идеальную гладь. Ее тело не всплывало и не тонуло, словно сама вода удерживала ее. На поверхности бассейна появилось лицо взволнованной молодой женщины, которую никто не знал.

— Лючия...

Когда девушка назвала свое имя, разные голоса смешались, и разобрать что-либо стало очень сложно. Картина над водой исчезла, и вместо нее возникла сплошная пелена — будто разные краски залили в одну банку и начали бешено мешать. Некоторые реплики из общего шума удавалось слышать благодаря громкости и четкости произношения, а вот целостную картину — нет.

— ...прекрасное имя... — пропел мужской голос. — ...Айзенберг... Леонхард... Смотри на меня, Лючия.

— Милая моя... — ласково позвала женщина.

— ...Анна, возможно, не доживет до утра... Ты позволишь ей умереть?... Лючия, человеческая жизнь хрупка.

— ...Н-нет. Только не это. Герцог...

А после прогремел гром, и девичий крик, наполненный

болью и унижением, заполнил весь зал.

— Слушайся меня...

— Анна мертва, — взвыл другой мужской голос, а за ним последовал новый девичий крик и шарканье металлических цепей.

— Герцог!..

— Ты до конца дней будешь возле меня! Неважно, нравится тебе это или нет!

— Вам пора возвращаться..., принцесса... ждет... Михай,
— сказал низкий мужской голос.

— Нет! Мой ребенок! Он ведь не виноват. Прошу, не убивай его... Отец!

— ...Всё ради... Грандэ...

— Ааа!

— Это уродство не моё-е, не-ет. Эта шлюха... изменяла...
В роду великого Грандэ не может родиться такое чудище.
Ха! Я купил ее... А может, мне родишь ты? Моя драгоценная сестра... Будь тише...

— Кто ты такой, чтобы мне перечить?!

— Во всем виновата ты сама!..

— Адальберт... Я убийца...

— Принцесса... убейте!..

— Брат! — отчаянный крик.

— ...Я рад... помни меня...

— Треск...

— Я пойду по их головам... тебя я не убью... Всего лишь

тринадцать... — голос Люции стал уверенным. — Ты сделал меня таким... Отец... Я не сяду на этот трон... Ты слаб!..

— ...Я хотел тебя защитить... Я приказываю... возглавить армию... Сумасшедшая...

— Отдайте мне ваши жизни! ...Решил избавиться... думал, ...не доберусь?.. Я умру на твоих руках!..

— Принцесса... Люция... Луи... Грандэ... завоеватель...

— ...ты последняя... убей... Михай... моя месть... Таким, как я, не стоит жить в этом мире, Михай...

— Нет человека страшнее, чем принцесса...

— ...Такие не рождались и не родятся...

— Что значит дом?.. Пора умирать...

— Знаю твою сумасшедшую любовь, герцог Рафаэль фон...

— Кем бы ни была женщина... её счастье зависит от мужа...

— Люция!.. Ааа...

— Прощайте... хозяйка... Я... буду ждать...

2

Волки были где-то поблизости, но не приближались и не уходили. Они будто стояли на одном месте и кого-то звали.

Девочка медленно открыла глаза и обнаружила, что сидит, прислонившись к огромному дубу в неизвестном лесу. Вокруг было темно и тихо. Первые лучи утреннего солнца еще не дошли до этих мест. В первые минуты девушка ис-

пытала страх, но потом привыкла ко всему. Единственное, что пришло ей на ум, — это идти, но куда идти, она не знала, поэтому поплелась туда, куда были направлены ее глаза при пробуждении.

Она не помнила, сколько так прошлась, но остановилась только тогда, когда почувствовала, как в ее правую ногу впились шипы какого-то растения. Ранненное место сначала зачесалось, а потом опухло, но девочка не заплакала и не растерялась. На ее лице не отражалось ничего. Казалось, она выпала из реальности и потеряла все чувства и эмоции, присущие человеку.

Она продолжила свой путь. Когда в лесу стало настолько светло, что она уже отчетливо видела всё вокруг, девушка вышла на дорогу. Посмотрев на обе стороны, будто не решаясь, куда идти, она просто стояла в ожидании чего-то, но чего именно — она и сама не знала.

— О боже, — вскрикнула кто-то. — Дитя, что ты тут делаешь?

Ниоткуда к ней подбежала девушка лет двадцати пяти. У нее были каштановые волосы и такого же цвета глаза. Пухлые щеки и горбатый нос были усеяны веснушками. Незнакомка толстыми мозолистыми пальцами пощупала лицо де-

вочки, но та не обращала на нее внимания.

— Где твои родители? Ты здесь одна?

В ответ было молчание.

— Ночью здесь опасно. В этом году, говорят, волков стало больше из-за того, что юный герцог не выходил на охоту из-за подготовки к наследованию титула.

Женщина ошарашенно рассматривала девочку. На той было грязное простое белое платье из хлопка, поэтому она подумала, что девочка, возможно, — дочь кого-то из ближайшей деревни и заблудилась во время прогулок по лесу. Но ребенка с такой внешностью она бы запомнила, ведь часто ходила в эту деревню за разными покупками для кухни.

«Так кто же она? Оставить ее здесь — не вариант, но как узнать, кто ее родители и где дом, если она молчит?»

— Как же тебя зовут?

На этот вопрос девочка вдруг отреагировала. Она посмотрела вверх на Анну своими голубыми, как глубокое чистое море, глазами и тихо произнесла:

— Лючия...

— Тебе есть куда идти? Откуда ты?

— ...Не знаю... не помню.

Анна, услышав подобный ответ, удивленно оглянулась во-круг.

— Боже упаси! Что же делается-то? Как быть?

Но думала она недолго и сразу приняла решение:

— Хорошо. Значит так, Лючия. Сейчас идем со мной. По-кормим и умоем тебя, а после начнем искать твою семью. В этом огромном лесу опасно, особенно ночью.

В этот момент из глубины леса снова раздался вой волка. Женщина вздрогнула и притянула Лючию к себе поближе, будто желая защитить от опасности, а девочка напоследок оглянулась туда, откуда издавался звук, и незаметно махнула рукой.

После этого случая Анна забрала к себе Лючию на целых пять долгих лет, которые пролетели для них незаметно. Герцогиня, мать нового герцога, разрешила оставить девочку в имении: ей хотелось проявить больше щедрости из-за радости, что ее сын недавно стал герцогом. К счастью, своего решения она позже не изменила. Служанка не смогла отыскать родителей Лючии и не имела никакого представления, откуда та взялась в лесу Айзенберг, окружавшем дворец Нойшванштайн, принадлежавший герцогству Леонхард.

Лючия так ничего, кроме своего имени, и не вспомнила. Со временем, под теплой опекой Анны, она стала преобразаться в чувственную, яркую и жизнерадостную девушку. Все во дворце быстро к ней привыкли и с обожанием отзывались о ней. Для потерявшей свою последнюю родню Анны добрая Лючия стала истинным утешением. Расторопная и трудолюбивая девушка быстро научилась выполнять обязанности служанок и всегда старалась помогать окружающим всем, чем только могла. Но с появлением леди Арабеллы из маркизского дома Швангоу, которая в будущем должна была стать невестой, а после и женой герцога (а сейчас часто навещала герцогиню для укрепления отношений между домами), юной Лючие поручили официальную работу: приносить и заваривать чай, наливать его господам, а также стоять рядом с дамами в качестве молчаливого украшения стола, пока те вели непринужденные беседы.

3

Катарина всплыла на поверхность как умелый пловец и встала на ноги, закрывая рукой один глаз, из которого текла кровь. Взгляд второго глаза был пуст и тускл. Люди ошарашенно смотрели, пока девушка самостоятельно не стала выходить наружу.

— Но... новая святая! — радостно воскликнул главный священник, и все начали приходить в себя, поддерживая его восторженный возглас и хлопая в ладоши. Даже император расплылся в улыбке.

Девушка тем временем совсем не обращала на них внимания. Она словно была чем-то сильно раздражена и оттого принялась с себя огромное и из-за воды ставшее еще тяжелее платье. Одна священнослужительница заметила это первой и второпях подбежала к ней.

— Что вы творите в доме Божьем?! Подобаает ли вести себя подобным образом в священном месте?

Все взглянули в их сторону.

Катарина совсем ее не слушала, продолжая рвать ткань в тех местах, где не могла развязать узлы или где пуговицы были излишне маленькими. Тогда возмущенная женщина схватила ее за правую руку, впившись в нежную кожу ногтями.

— Прекратите! — завопила она.

Девушка не издала ни единого звука, но левой рукой неожиданно ловко схватила стоявшую поблизости золотистую подставку для свечей и что есть силы ударила наглую женщину в висок. Та закричала от боли и упала на пол, хватаясь за голову, а зрители замерли в ужасе.

— Не смей меня трогать, — процедила Катарина.

Ее голос, которого никто никогда не слышал, был точь-в-точь как у некой Лючии. Она говорила четко и без запинки. Из ее правого глаза продолжала безостановочно течь

кровь. Когда главный священник подошел поближе, чтобы успокоить ее, Катарина рухнула назад, потеряв сознание от перегрева мозга.

4

На его лице появилась ухмылка.

— Какое прекрасное имя — Лючия, — пропел он.

У герцога были светлые волосы и пронзительные зеленые глаза. Сейчас ему было всего двадцать один, а когда он только унаследовал титул после смерти отца, ему исполнилось лишь семнадцать. За четыре года они изредка сталкивались во время чаепитий с герцогиней и леди Арабеллой, но никогда не разговаривали. Он всегда старался не обращать внимания на безродную служанку, которую использовали лишь как украшение интерьера, — пока однажды не увидел, как всегда тихая и, казалось бы, безэмоциональная девушка звонко смеялась, что-то обсуждая с несколькими служанками. После того дня молодой герцог стал всё чаще и чаще замечать ее. Когда ему не удавалось хоть раз в день увидеть ее издалека или услышать ее приятный мелодичный голос, он неосознанно начинал искать ее везде, придумывая самые разные оправдания. Они никогда не разговаривали и даже ни разу не обменивались взглядами. Рафаэль ненавидел ее за то, что она встревожила его сердце. Погруженный в работу, он часто забывал о ней, но потом снова принимался искать ее днем и ночью — точно так же, как и сегодня.

Лючия любила гулять по огромному саду ранним утром, когда просыпалась из-за кошмаров. Так она успокаивалась среди цветущих деревьев, привезенных с востока, и благоухающих маленьких розовых цветов. Слугам строго запрещалось гулять по саду, но девушка никогда не могла отказаться от этого запретного удовольствия. Да и никто ее пока на этом не поймал — по крайней мере, так она думала. Но сегодня ей совсем не повезло: герцог, утомленный бессонной ночной работой, тоже вышел подышать свежим воздухом. Увидев силуэт, мелькающий среди деревьев, он сначала подумал, что это враг, но вовремя заметил длинные, распущенные, красные как кровь локоны и белую, почти прозрачную сорочку на миниатюрной фигурке девушки. Он сразу понял, кто это, и поспешно вышел ей навстречу.

— Мне нравится. Тебе это платье дала служанка Анна?

— Нет, герцог, — девушка взволнованно теребила пальцами ткань сорочки, пытаясь успокоиться. — Единственное, что я помню, — это мое имя, — почти уверенно ответила она.

— Мне сообщили, что она нашла тебя в лесу Айзенберг, когда возвращалась из родительского дома. Ты правда ничего не помнишь до того момента, как встретила Анну?

— Да, герцог. Мои воспоминания начинаются в лесу. Я помню, как проснулась под огромным дубом на рассвете и блуждала там, пока сестричка Анна не увидела меня.

Герцог короткими шагами вплотную приблизился к ней, так что девушка чувствовала его теплое дыхание на своей макушке и щеках. Она оказалась прижата к дереву и лихорадочно соображала, будет ли всё в порядке, если сделать шаг в сторону, чтобы избежать столь смущающей близости. Глаза девушки опустились вниз к собственным изношенным туфлям, но мужчина потребовал совсем другого:

— Смотри на меня, Лючия.

Он взял ее за подбородок и грубо потянул вверх, заставляя встретиться с ним взглядом.

— Не смей отводить от меня глаза.

Герцог говорил спокойно, но в его голосе отчетливо слышались твердость и властность. От подобных действий девушка густо покраснела. Она понимала: если их кто-то увидит, то поймет всё неправильно, и оскверненной в глазах света окажется именно она, а не он.

— Простите меня, герцог. Прошу, отпустите. Я больше не нарушу правила и не стану гулять в саду.

— Тогда ты пойдешь гулять в лес? — на его лице появилась ухмылка.

— Нет...

— Продолжай.

Лючия недоумевала от его слов.

— Выходи гулять в сад каждое утро, пока тебя не поймал кто-то другой. Только тогда я смогу тебя наказать соответствующим образом. Это приказ.

Мужчина добродушно улыбнулся. Он еще долго стоял так, разглядывая растерянное лицо служанки, после чего, наконец отпустив девушку, медленно зашагал в сторону своего особняка.

Лючия была шокирована, но из-за страха каждое утро послушно выходила в сад, даже когда ей совсем не хотелось. Ее пугала мысль, что ее могут застать врасплах и герцог действительно накажет ее. А главное — страшнее всего было то, что наказание могло коснуться и Анны, ведь именно она привела ее в замок.

Шло время, и утренняя прогулка стала неотъемлемой частью ее жизни, привычкой, которую она повторяла изо дня в день, почти позабыв о том, что за это грозит кара. В то же время привычкой герцога Леонхарда стало каждое утро в одно и то же время выходить на балкон, чтобы проверить, гуляет ли там девушка. Ему нравилось наблюдать за тем, как она, словно маленькая непослушная шалунишка, спешила укрыться среди деревьев и пряталась там, пока не приходило время возвращаться, чтобы не быть пойманной. Ему также

льстила мысль о том, что она беспрекословно выполняет его приказ. Но только Рафаэль знал правду: никто и не думал ее ловить, ведь он заранее отдал стражникам приказ не совершать утренний обход в саду. Кроме них двоих, ранним утром никто не бодрствовал, поэтому насладиться удовольствием поймать ее на горячем мог только сам герцог — тот, кто работал всю ночь напролет или просыпался на рассвете исключительно ради нее.

5

Джулиан впервые взял в свои объятия свою супругу, которая лежала на полу, истекая кровью.

— Эрцгерцог, нельзя бездумно прикасаться к телу святой, — предупредил его кардинал. — Хоть она и была вашей женой, теперь она посланница Божья.

Мужчина на минуту замер, словно обдумывая услышанное, но после обратился к герцогу Борджелло и императору:

— Вы тоже считаете правильным после услышанного оставить ее в храме на попечение священников?

Те переглянулись.

— Ее случай особенный, учитывая, чье имя мы слышали.

— Кхм, — кашлянул император. — Вы правы. Перенесите ее в Шиповый дворец и приставьте к ней на охрану самых умелых солдат. Великий священник, вам стоит направить

кардинала Лею и нескольких верующих следовать за святой, пока она находится без сознания. А также, маркиз Фисс, позовите историка Альбен. Надо выяснить, кем была эрцгерцогиня в прошлой жизни и кто такая Лючия Луи Грандэ...

6

— Лючия, дорогая, — позвала Анна, которая, покрываясь потом, усердно стирала белое покрывало. — Иди в комнату и отдохни. Зачем ты суешь руки в холодную воду?

— Вот-вот, — согласилась вторая служанка. — Заболеешь еще.

— Но я ведь хочу вам помочь...

Четыре года назад Анна, возвращаясь после похорон своей матери, обнаружила маленькую девочку по пути обратно и забрала с собой. В то время Лючии было только тринадцать.

— Милая моя, ты уже мне многим помогаешь, обслуживая леди и герцогиню, — с лучезарной улыбкой заявила женщина. — Этого более чем хватает. Если ты из-за холодной воды заболеешь, то работы у меня станет больше, да и спать я нормально не смогу из-за переживаний о тебе. Так что будь послушной и иди в комнату. Не хочу, чтобы ты заболела перед переездом.

Прошел месяц с тех пор, как Анна приняла решение по-

кинуть замок и выйти замуж. Они давно общались с сапожником, проживавшим в ближайшей деревне, и теперь готовились создать семью после возвращения мужчины из города. Как и предполагалось, Лючию они решили взять с собой, чему девушка была безумно благодарна.

— Анна права, — подхватила другая. — Когда ты только пришла к нам и поначалу часто болела, знаешь, как она над тобою тряслась? Однажды она даже на коленях умоляла герцогиню вызвать для тебя доктора, хоть та и бровью не повела.

— Прекрати, Ханна. У стен есть уши. Если герцогиня узнает, она тебя жестоко накажет. А ты, Лючия, уже ступай в комнату и отдохни: вечером опять придется идти к леди.

— ...Хорошо, тетя.

Девушка неуверенно подошла к женщине, крепко обняла ее за шею и, поцеловав в щеку, быстрыми шагами удалилась, смущаясь своего поступка. За ее спиной женщины громко рассмеялись, еще сильнее вогнав девушку в краску, а Анна расплылась в лучезарной улыбке, радуясь ее милому проявлению нежности.

7

— Принцесса Лючия Луи Грандэ? — задался вопросом главный историк академии Баярк, известный своим величием и престижем на всем континенте. — Я помню лишь один

монархический род Грандэ, и он исчез между 200–100 гг. до нашей эры, Ваше Величество. Их закат покрыт пеленой неразгаданных тайн и является очень щепетильной и интересной темой для историков. О них слишком мало известно по сей день.

— Настолько ранний? — изумился император. — Но ведь святые всегда перерождались в течение одного века после первой смерти, а тут прошло больше тысячи лет? Это ведь время, когда монстры еще даже не появились и страны безостановочно воевали друг с другом из-за земель. Вот значит почему почти ничего невозможно было разобрать из услышанного. И в какой же стране существовал этот род?

Два герцога, Борджелло и Абенсераги, стояли рядом с тронном и молча наблюдали за происходящим, а главный священник держался поодаль от них. Все присутствующие еще не отошли от шока, который пережили из-за Катарины. Всегда кроткая и пугливая девушка без зазрения совести чуть ли не убила человека одним ударом, а заговорила так, словно всегда умела это делать.

— В Королевстве Эртруссия, которое в 103 году до нашей эры, а по некоторым данным — в 84 году, стало империей, расширив свои границы до небывалых размеров.

— Эртруссия? — переспросил герцог Борджелло, дивясь услышанному.

Это была огромная империя, господствовавшая на соседнем континенте Фрея, который по размерам в два раза превосходил континент Мидий, где располагалась империя Арно. Они славились своей военной мощью и являлись меценатами раннего искусства. О них слышали почти все, и особенно — об их императорской семье Ортега.

8

— Если я не помогу, Анна, возможно, не доживет до утра.

Зеленоглазый герцог властно восседал в удобном кожаном кресле в плохо освещенном кабинете. На улице бушевал сильный осенний ливень, гремел гром, и за ним следовала яркая молния, изредка освещая комнату. Этот свет наводил еще больше ужаса и отчаяния на девушку, которая стояла на коленях перед холодным мужчиной, умоляя его о помощи.

Женщина часто жаловалась на здоровье, но после той стирки в ледяной воде тремя днями ранее она слегла окончательно. Сначала все думали, что это пройдет — отлежится и поправится, как бывало всегда, — но с началом ливня в комнатах прислуги стало прохладно, и болезнь Анны обострилась. Ее то и дело лихорадило, и она никак не могла прийти в себя. Гувернантка, мало-мальски разбирающаяся в медицине, сообщила, что состояние благодетельницы ухудшается, а единственным спасением мог стать семейный доктор герцог-

ской семьи. Однако тот ответил отказом, сославшись на мизофобию герцогини: благородная дама ни за что не стала бы лечиться у врача, который осматривал простую служанку.

— Ты позволишь ей умереть?

Когда Рафаэль услышал о недуге Анны, он никак не рассчитывал, что Лючия — та самая, что вечно шарахалась при его виде и старалась спрятаться, — придет к нему и станет умолять о помощи, стоя на коленях. Но он не растерялся от такого поворота событий и решил воспользоваться выпавшим шансом. Всё было бы намного проще с самого начала, будь Лючия более амбициозной и раскрепощенной.

— Умоляю, герцог, — зарыдала девушка. — Прошу, помогите!

Мужчина не сдвинулся с места. Он жаждал ее внимания, хотел, чтобы она улыбалась только ему, ждала и слушалась. Со всеми остальными Лючия была открытой и счастливой, но стоило появиться ему, как она мгновенно умолкала и старалась стать незаметной. Желание получить ее внимание часто приводило его в ярость. Разве мог герцог возжелать какую-то ничтожную служанку? Но каждый раз его мысли возвращались к началу: всё началось с простого любопытства, а переросло в страстную манию.

— Зачем мне напрягаться ради какой-то служанки?

Плач девушки резко оборвался. Она недоверчиво посмотрела на герцога, не веря собственным ушам.

— ...Но она ведь так долго служила...

— Мне служат тысячи людей. Я должен возиться с каждым и звать для них семейного доктора?

Мужчина выжидающе смотрел на нее.

— Люция, человеческая жизнь хрупка. Неизвестно, как и когда она оборвется.

— Но герцог, она мне дорога. Сестрица Анна подарила мне самую жизнь! Неужели я ничего не могу сделать, чтобы ее спасти? Умоляю, у меня нет денег, но я готова работать на вас до конца своих дней, ничего не требуя взамен. Я...

— Люция, — перебил ее светловолосый. — Мне не нужна служанка, которая будет работать бесплатно. Подумай хорошенько: что еще ты можешь мне предложить?

Повисла тишина, в которой был слышен лишь мерный стук дождя в окно.

— Анна подарила тебе жизнь. Так отдай ее мне — ради спасения Анны.

Загремел гром.

— ...Хорошо. Я готова, если вы меня убьете...

— Почему ты думаешь, что я хочу твоей смерти? — удивился Рафаэль.

— Вы ведь меня ненавидите, герцог. При каждой встрече вы смотрите на меня так, будто хотите убить.

Получив ответ, мужчина стиснул зубы. Вот оно что — именно так он выглядел в ее глазах. Рафаэль был поражен, но понял, что хуже уже не будет. Он исчерпал все остатки терпения и жаждал получить то, чего так страстно желал. Возможно, вкусив этого запретного плода хоть раз, он утолит свой аппетит. Так он думал в тот момент.

«Да. Хотя бы один раз».

— ...Я действительно порой желаю придушить тебя собственными руками.

Мужчина медленно поднялся с кресла и подошел к девушке вплотную, глядя на нее сверху вниз.

— Терпеть тебя не могу, Лючия. Раздражающая, безродная девчонка. Почему ты не можешь делать всё так, как хочу я? Почему не можешь просто жить тихо здесь, подле меня?

— Г-герцог, я не понимаю вас...

Девушка со страхом наблюдала, как глаза мужчины нали-

ваются темной яростью, хотя говорил он по-прежнему тихо, с едва сдерживаемым гневом.

— Разве Анна тебе не дорога? Подумай своей маленькой головкой: чего мужчина может хотеть от женщины?

Лючия побледнела, до конца осознав смысл его слов.

— ...Н-нет. Только не это! Герцог, вы же благородный аристократ!

Девушка отчаянно попятилась назад, но мужчина резким движением опустил на одно колено и схватил ее за ногу, отчего она вскрикнула.

— Лючия, я единственный, кто может тебе помочь. Моей матушки здесь нет, как и леди Арабеллы — они прибудут лишь через шесть дней. А во всем герцогстве тебе никто не подаст руки без моего одобрения. Ты позволишь женщине, вырастившей тебя, так просто умереть? Представляю, какие муки она испытывает сейчас, корчась от боли.

— ...Герцог, не надо, — прошептала она сквозь слезы.

— Не надо что?

Мужчина потянулся к ней и большим пальцем смахнул горячую слезу с ее щеки.

— Помогать тебе? Выбор, конечно, за тобой.

Он отпустил ее ногу и выпрямился.

— Если собралась уходить, советую поторопиться. Кто знает, сколько осталось жить твоей спасительнице.

Рафаэль произнес это с пугающим спокойствием, словно речь шла о бродячей собаке. Лючия попыталась подняться, чтобы сбежать, но тут же вспомнила о собственной беспомощности и бессильно рухнула обратно. Мужчина склонил голову набок, с холодным любопытством разглядывая ее отчаяние. Он прекрасно знал, что никакого выбора у нее на самом деле не было.

— Я тебя не удерживаю, Лючия.

С этими словами он демонстративно отвернулся и сделал шаг к столу. Цинизм мужчины и лихорадка, угасающая жизнь Анны сломили остатки ее сопротивления. В последнюю минуту, отбросив никому не нужную гордость, она вцепилась дрожащими пальцами в подол его брюк. Рафаэль довольно усмехнулся одержанной победе.

— Помогите сестрице Анне, — сквозь зубы процедила девушка.

— Сначала заплати.

Мужчина резко потянул ее на себя, накрывая своим телом. На испуганные крики и слезы он отвечал лишь непреклонной властью, заставляя ее подчиниться суровой реальности. Лючия ненавидела его всем сердцем, но теперь это не

имело никакого значения. Пока Анна была жива и привязана к роду Леонхард, девушка не могла никуда сбежать. Она навсегда останется пленницей в его владениях.

Желая заглушить реальность, Лючия повернула голову в сторону. В отражении полированного дерева мебели она увидела собственные рассыпанные по полу алые волосы и полные ужаса и отчаяния глаза, в которых отражалась лишь беспросветная тьма. Рафаэль же, упиваясь своей властью над ней, шептал:

— Ты прекрасна. Просто слушайся меня, Лючия, и всё будет хорошо.

Слезы катились из ее синих глаз. Девушка смиренно закрыла их и отвернулась, полностью отдавая свою сломленную волю во власть безжалостного герцога.

9

— Но самое интересное, — продолжил историк, — нигде не осталось каких-либо записей о том, как они расширили свои границы. Война должна была быть кровавой и грандиозной, учитывая короткий срок завоевания — по некоторым сведениям, на это ушло около 3–4 лет, — но до нашего времени не дошло никаких сведений о тех событиях. Говорят, самым первым законом, принятым в империи, был запрет упоминать о гибели Грандэ и объединении континента, а тех, кто ослушивался, приговаривали к казни. Также они

полностью изменили письменность, что сыграло немаловажную роль в том, что все забыли о маленьком королевстве. Сейчас из-за Мегалодона выход в океан стал почти невозможным, и мы можем опираться лишь на старые исторические книги, в которых о них почти нет сведений.

— Это всё очень подозрительно, — Джулиано помассировал висок от растущего раздражения. — Империя даже меняет письменность, чтобы вычеркнуть собственную историю? Как вообще возможно полностью скрыть свои завоевания? Это нелепо. У вас есть хотя бы малейшее понимание, как они все умерли? Почему империя так отчаянно хочет о них забыть?

— Как я уже сказал, это очень интересная тайна прошлых времен, которая до сих пор не была разгадана. Я могу освежить память и поискать какие-нибудь записи о Грандэ, если вы дадите мне немного времени.

— Думаю, этого времени у нас совсем нет, профессор, — вздохнул император. — В ее воспоминаниях промелькнуло одно очень неприятное имя...

10

Рафаэль был неудовлетворен. Он отлично понимал, что одного раза ему было катастрофически мало. Попробуй он лишь раз — и молодой герцог днем и ночью, снова и снова думал о нежном девичьем теле, которое вздрагивало и изгибалось от удовольствия под ним в ту ночь. Ее сладкие стоны

и всхлипы ласкали его слух. Он приходил в восторг от мысли, что был первым, кто увидел изысканные изгибы ее нагого тела. Рафаэль каждый раз во время близости отодвигался назад, чтобы рассмотреть ее целиком. Измотанная чередой наслаждений, заплаканная, покрытая его отметинами с ног до головы, раскрасневшаяся от смущения, Лючия непослушно отворачивалась от него каждый раз. Теперь его жадность по отношению к ней стала великой и невыносимой. Мысль о том, что такую ее может увидеть кто-то еще, приводила его в бешенство. Той ночью ему следовало сказать, что ей придется еще не раз расплачиваться за спасение Анны, но он ничего подобного не произнес. Как же теперь заставить Лючию добровольно лечь под него снова? Анна была отличным рычагом, и мужчина не погнушался бы воспользоваться им еще раз, но приходилось сдерживаться из-за статуса. Хотя он твердо решил: пока его интерес не угаснет, он во что бы то ни стало не выпустит это хрупкое создание из своего леса.

Помолвка с Арабеллой Швангоу уже не за горами. А Анна назло быстро пошла на поправку — хотя бы благодаря этому он теперь мог наблюдать, как по утрам девушка радостной и довольной гуляет по саду. Будь она хоть немного жадной до денег или власти, он мог бы сделать ее своей любовницей, купив ее любовь. Но она была до тошноты честной и нравственной — глупое, доброе создание, которое довольствовалось малым.

Увидев со своего балкона, как Лючия второпях несет чайный сервиз в сад, где сидели его мать и леди Арабелла, Рафаэль усмехнулся:

— Если нет повода, его надо просто создать.

Но все планы Рафаэля рухнули в один миг, когда отправившаяся встретить своего жениха Анна не вернулась. Спустя три дня этот самый жених пришел во дворец к Лючии с трагичными вестями. У главных ворот его не пустили внутрь, и услышавшая шум служанка Ханна сообщила об этом девушке. Все были удивлены, ведь Лючия не знала никого за пределами замка, и никто извне не мог искать ее — если не брать в расчет возможных родителей, о которых она ничего не помнила. Анна слишком сильно опекала ее и не позволяла даже приближаться к парадным дверям.

— Анна мертва... — взвыл от горя мужчина, падая на колени без сил, когда перед ним появилась бледная от испуга девушка. — Она долго не возвращалась, поэтому ночью я вышел на поиски и нашел ее тело под обрывом. Не знаю, как ее туда занесло... Видимо, бежала от зверей и не заметила обрыва...

Девушка не верила своим ушам. Она не могла до конца довериться человеку, которого видела впервые, ведь Анна

еще не успела их познакомить. От страшной вести земля ушла у нее из-под ног: Лючия пошатнулась, упала на колени и зажала рот ладонью, сдерживая отчаянный вопль. Зеваки, сбежавшиеся на шум, тоже ахнули, не находя слов.

— Н-нет... О чем вы говорите? Сестрица ведь... сестрица...

Мужчина рыдал навзрыд.

— Лючия, я сразу узнал тебя, хоть мы и не знакомы лично: дорогая Анна часто рассказывала о тебе. Она мечтала показать тебе внешний мир и стать твоей настоящей семьей.

Служанка и вправду всегда о том мечтала. Из-за страха потерять девочку она не брала ее с собой в деревню за покупками и растила в любви и неведении все эти четыре с половиной года.

— Идем со мной, Лючия, — сапожник нежно взял ее за руку. Он искренне любил Анну и с нетерпением ждал дня, когда сможет стать ее мужем и полноценной семьей для ее приемной дочери, ведь именно этого желала его возлюбленная. — Надо похоронить ее, пока тело совсем не испортилось. Собери свои вещи... и вещи Анны. Я должен исполнить ее мечту, чтобы в следующей жизни без стеснения смотреть ей в глаза.

Сказав это, он снова заплакал, вспоминая бездыханное те-

ло любимой женщины, ожидавшее погребения в его доме.

— Я постараюсь стать для тебя семьей и показать этот мир...

Видя его слезы, Лючия больше не могла сдерживаться и громко зарыдала. Стоявшие рядом служанки бросились ее успокаивать, а Рафаэль изумленно наблюдал за происходящим из огромного окна гостиной, не зная, как поступить. Его мир пошатнулся, когда девушка кивнула неизвестному мужчине и медленно поплелась собирать вещи.

Но герцог тотчас опомнился, когда Лючия, немного переведа дух и пытаясь совладать с мыслями, робко постучалась в дверь рабочей комнаты. Рафаэль успел заранее переместиться туда, интуитивно понимая, куда она направится. Этот слабый, неуверенный стук принадлежал только ей. Именно так она стучалась, когда пришла просить о помощи в ту дождливую ночь. Она отличалась во всем.

Обычно обитатели Нойшванштайна должны были получить разрешение на увольнение у герцогини, но та отсутствовала из-за чаепитий в поместье Швангоу.

Тук-тук.

Нет, он не мог отпустить ее даже в мыслях. Но у него не

было ни причин, ни предлогов удерживать простую служанку, решившую уйти. Лючия почти не считалась прислугой — скорее, живым украшением интерьера для леди Арабеллы или сиротой на попечении Анны. Даже если бы она не ушла сама, ее рано или поздно выгнали бы.

— ...Войди.

Вся в слезах Лючия неуверенно приоткрыла дверь кабинета и низко поклонилась.

— Здравствуйте, герцог... Моя дорогая сестрица Анна покинула этот мир... Об этом мне только что сообщил ее жених. Ее тело нужно уморить и предать земле. Прошу, дайте мне разрешение покинуть замок Нойшванштайн.

Ноги Рафаэля подкосились от захлестнувшего его всепоглощающего гнева. Руки сами собой сжались в кулаки: ему до боли хотелось свернуть ее тонкую шейку, лишь бы она не произносила вслух этих проклятых слов о побеге.

«Почему ты просто не можешь оставаться рядом? Как ты можешь после всего, что между нами было, так бесстыдно проситься на волю? Я ведь могу дать тебе всё! Всё, чего только пожелаешь!»

Рафаэль пристально смотрел на дрожащую фигурку де-

вушки, которая покорно склонила голову, ожидая приговора. И тогда в его голове родилась безумная, до абсурда извращенная мысль — но он отчетливо понимал, что это единственный способ добиться своего. А молодой герцог принадлежал к тем людям, которые всегда получали желаемое.

— Анна была хорошей и преданной служанкой, — заговорил он своим обычным низким и спокойным голосом. — Мне жаль слышать о ее гибели. Возьми эти деньги и устрой достойные похороны.

Он достал из ящика стола несколько золотых монет и небрежно бросил их на столешницу.

— В этом нет необходимости...

— Это не тебе. Не спорь, — раздраженно перебил он.

Лючия прикусила губу и покорно забрала деньги. Она поражалась его лицемерию, ведь еще пару дней назад он был готов равнодушно закрыть глаза на мучительную смерть этой самой женщины.

— Благодарю вас, герцог. И за то, что приютили во дворце, хотя я ничего не умела, и за то, что даруете свободу. Я не забуду вашей милости до конца своих дней. Прощайте.

Не поднимая глаз, она дошла до выхода и покинула кабинет.

— Да, не забывай. Ты и не забудешь...

Лючия уже закрыла за собой дверь и потому не услышала слов, брошенных в пустоту, и не увидела его безумного, ледяного взгляда.

Хотя идти за незнакомцем, слепо доверившись его словам, было страшно, девушка решилась сделать этот шаг. Она сквозь слезы прощалась со служанками, ставшими ей за эти годы настоящей семьей.

— Это всё, что мы смогли собрать, — проговорила Ханна, протягивая ей небольшой мешочек с монетами. — Попрощайся с Анной и за нас тоже.

— ...Спасибо, тетушка Ханна.

Когда они с сапожником шагнули за ворота, Лючия ощутила всепоглощающий ужас перед огромным, неизведанным миром. Всё, что она помнила за всю свою жизнь — это лесную чащу, где очнулась, и стены этого замка. Теперь же ей предстояло увидеть новые места и впервые ступить в деревню, о которой она слышала лишь из чужих рассказов. Девушка несколько раз останавливалась, обуреваемая диким желанием броситься назад, но через силу заставляла ноги следовать за мужчиной.

Тело Анны за три дня в каменистом овраге уже начало разлагаться и было изуродовано до неузнаваемости при па-

дении, но Лючия узнала ее мозолистые, некогда такие теплые руки. Из жалости сапожник не стал показывать девушке всё лицо, прикрыв его саваном, оставив на виду лишь часть щеки и руку. Он также не позволил ей самой обмывать усопшую, сказав, что уже всё сделал сам, после чего они вдвоем похоронили тело под раскидистым дубом у самого входа в лес.

Эта ночь выдалась бесконечно долгой, полной горьких слез — такой же долгой и томительной, как и для оставшегося в одиночестве Рафаэля.

11

— У нас есть записи обо всех принцессах с таким именем? — спросил герцог Александр Борджелло, который до этого момента хранил молчание.

Он выглядел гораздо моложе своих сорока лет и по сей день разбивал сердца благородных дам своей неизменной красотой. Все как один твердили, что именно герцог Борджелло являлся символом мужественности и лицом всей империи.

— История редко сохраняет имена личностей, которые ничем не отличились за свою жизнь, — ответил профессор. — Но в архивах упоминаются две принцессы с таким именем. Первая — принцесса Лючия Шарлотте ван Грандэ, дочь

короля Арнольда I, правившего примерно в 365–324 гг. до н. э. Она стала наложницей императора Карла из империи Сно-волл и была сожжена за неподчинение мужу. Вторая же — принцесса Лючия Мерием ма Грандэ, дочь последнего короля Йохана, умершая в возрасте двенадцати лет от волчанки.

12

— Герцог, прошу, отпустите... — молила девушка, но ее никто не слышал.

Она уже не кричала так громко, как в первые дни, и почти не сопротивлялась. Казалось, она начала смиряться с тем, что с нею каждую ночь вытворял Рафаэль, похитив и заперев ее на самой вершине своего замка, куда никого не пускал, кроме преданного дворецкого, которому поручил заботу о пленнице.

Лючия смотрела на полную луну из единственного окна своей каменной клетки и безостановочно повторяла мольбу как мантру, хотя в ответ была лишь тишина. Лишь изредка шарканье тяжелых цепей, прикованных к ее правой ноге, нарушало гробовую тишину. Она считала дни и ждала того момента, когда он наконец устанет от нее и отпустит, но этот день всё не наступал. А Рафаэль, казалось, становился лишь еще более зависимым от нее.

Герцог не умел любить, а девушка не понимала, что это

его искаженное безумие и есть любовь. Они оба страдали и мучились, но Рафаэль был не в силах отказаться от нее или отпустить. Чем сильнее она ненавидела его и отталкивала, тем крепче он хотел привязать ее к себе. Даже помолвка, а следом и свадьба с Арабеллой Швангоу ничуть не остановили его.

— На полу ведь холодно, — раздался нежный мужской голос за ее спиной.

Девушке не нужно было оборачиваться, чтобы узнать гостя, но она всё же подняла глаза, встречаясь с ним взглядом. Мужчина медленно подошел к ней и подхватил ее маленькое, исхудавшее тело на руки. Лючия осталась совершенно безразличной к этому жесту.

— Почему ты не притронулась к еде, которую приносит Альберт? Она тебе не по вкусу? Я прикажу завтра приготовить твои любимые клубничные тарты. Может, желаешь чего-то еще? Ох, я также отобрал для тебя несколько книг. Ты быстро учишься читать и писать; эти немного сложные, но я уверен, что они тебе понравятся.

— ...Отпустите меня...

— Снова ты за свое.

Он бережно опустил ее на кровать и присел на самый край.

— У меня сегодня много дел. Поспишь без меня?

Рафаэль наклонился, чтобы поцеловать ее, но девушка тут же отвернулась, плотно свернувшись калачиком.

— Смирись уже, Лючия, — прорычал он в вспыхнувшем гневе.

Мужчина уже балансировал на грани и, грубо схватив её за волосы, силой заставил повернуться к нему лицом.

— Герцог!

— Ты до конца своих дней будешь со мной! Неважно, нравится тебе это или нет. Я скорее убью тебя, чем позволю уйти! Куда ты побежишь и к кому? Разве не лучше быть моей? Не будь глупой...

Он вскочил на ноги и выбежал из комнаты, громко хлопнув тяжелой дверью. А Лючия лишь обреченно закрыла глаза, испытывая горькое облегчение от того, что сегодня его больше не будет. Она уже давно не плакала и не устраивала прежних истерик. С каждым днем в ее сердце селилось глухое смирение перед лицом неизбежности, и она неосознанно пыталась отыскать хоть капли тепла или заботы во всем этом кошмаре. Теперь она даже не сопротивлялась, когда Рафаэль жадно ласкал ее тело — ведь стоило ему разгневаться, как боль и мучения становились невыносимыми исключительно для нее одной.

— Возможно, они хотели заполучить кровь благородного рода? Ведь в некоторых записях говорилось, что история королевской семьи Грандэ гораздо древнее и величественнее, чем у кого бы то ни было. Видимо, среди их предков были могущественные монархи. И также...

— Ваше Величество! — разъяренный крик маркиза прервал рассказ Альбена.

— Что вы себе позволяете, маркиз Фисс? — возмутился герцог Абенсераги.

— Прошу меня простить, но, Ваше Величество, мне сообщили, что герцогиня... точнее, святая пропала!

— Что?!

— Она была без сознания, и кардинал Лея отлучилась, чтобы принести чистой воды для обработки ее кровоточащего глаза, но, когда она вернулась, девушки уже не было...

— А чем занимались дюжины охранников, оставленных с ней и вокруг дворца?!

— По приказу святого отца никто не заходил в комнату, кроме кардинала, а снаружи никто не видел, как она выходила.

— Это было сделано лишь для того, чтобы не опорочить честь святой, не оставляя ее наедине с рыцарями, — растерянно оправдывался священник.

— Видимо, она прыгнула со второго этажа, — после слов Папы барон неуверенно завершил свое сообщение.

У присутствующих в зале расширились глаза от изумления. Насколько же нужно быть сумасшедшей, чтобы сигануть из окна высокого второго этажа? Судя по всему, именно такой безумной и была Лючия. Или же просто отчаянной.

— С вашего позволения, Ваше Величество...

С этими словами оба герцога торопливо бросились к выходу, чтобы отыскать беглянку. Сегодняшний день в целом выдался испытанием для всех, но для этих двоих он был особенно тревожным и волнительным. Святой отец тем временем остался на своем месте, тихо возобновляя молитву.

На улице уже поднимался переполох, и, возможно, именно поэтому искать пришлось недолго. Стоило Александру зайти в сад, как он тут же заметил подол розового платья, в котором Катарина была еще на церемонии. Она безнадежно пряталась среди густых кустов прекрасных красных роз, совсем забыв, что пышный наряд выдает ее с головой.

— Выходи, — холодно приказал герцог.

Не дождавшись ответа, Александр раздраженно подошел вплотную и, раздвинув колючие ветви, встретился взглядом с парой испуганных зеленых глаз — точь-в-точь как у него

самого. Ее лицо было исцарапано шипами и кровоточило, а кожа казалась мертвенно-бледной.

— Н-нет... Не надо, — заплакала девушка. — Отпустите меня, прошу... Я больше не могу... Сделайте вид, что не видели меня... пожалуйста... Позвольте уйти...

— И куда же ты собралась? Прекрати драмеди устраивать. Вставай!

Когда мужчина резко взял ее под руку и попытался поднять, девушка в паре шагов от истерики забилась в его хватке:

— Нет! Не хочу! Отпустите! Ненавижу! Нет!

— Что с тобой не так?!

Александр был крайне зол из-за поведения дочери. Он совершенно ее не понимал и даже не пытался. Закинув сопротивляющуюся девушку на плечо, он решительно направился обратно к Шиповому дворцу под изумленными взглядами придворных.

— Герцог Борджелло, нельзя же так опрометчиво обращаться со святой! — возмутилась Лея, перекрывая им путь у дверей спальни.

Джулиано, услышавший крики жены еще с улицы, тоже поспешил к ним.

— Тогда следовало тщательнее за ней присматривать!

— Вы...

— Не трогайте меня! — продолжала отчаянно кричать Катарина.

— Сперва отпустите ее, — произнесла кардинал уже более мягко, но твердо.

Когда Александр бесцеремонно бросил тело дочери на кровать, та свернулась калачиком, горько плача, что-то бесвязно бормоча под нос и судорожно обнимая себя за плечи, пытаясь защититься от всего мира.

— Что с ней? — недоброжелательно нахмутив брови, поинтересовался Джулиано.

— Ее сознание, судя по всему, до сих пор переваривает чужие воспоминания. В летописях сказано, что святые часто заново переживают прошлое, чтобы в полной мере ощутить все те чувства и эмоции, что бушевали в них в те дни.

— Значит, со временем всё придет в норму.

Герцог Борджелло уже отвернулся, собираясь вернуться к императору, но маленькие слабые пальцы вцепились в его мантию, удерживая на месте.

— Пожалуйста... не говорите тому герцогу, что я пыталась сбежать, — прохрипела она сорванным голосом. — Я больше так не буду. Только не говорите ему...

Любой, кто видел ее в этот момент, отчетливо понял бы:

она до смерти напугана. Девушка походила на сломленного, лишенного свободы узника — несчастного и доведенного до отчаяния. Даже ее холодный и равнодушный отец замер от этого зрелища, чувствуя, как внутри шевелится тревога.

— ...Что он сделает тебе, если узнает?

Катарина опустила голову, словно стыдясь собственного страха, а ее пальцы задрожали еще сильнее. Но когда она снова подняла на отца полные горьких слез глаза, сердце сурового Александра пропустило удар и будто покрылось ледяной коркой.

— Как зовут этого герцога?! Какой это был год? Отвечай мне!

Катарина, не произнеся больше ни слова, вновь безвольно обмякла и провалилась в тяжелое бессознательное состояние.

— ...Если что-то снова пойдет не так, немедленно сообщите мне.

Герцог Борджелло вместе с герцогом Абенсераги поспешили обратно к императору, чтобы доложить о случившемся.

Неизвестный глубокий и низкий голос раздался прямо в комнате. Девушка вскочила со своего места и обернулась в сторону окна. Увиденное настолько сильно шокировало ее, что она, потеряв дар речи, лишь растерянно смотрела на незваного гостя. Единственное окно, которое всегда было наглухо заперто, оказалось распахнуто настежь, а на подоконнике сидел парень лет шестнадцати.

Он ослепительно улыбался ей, но в его глазах читалась необъяснимая печаль. Ветер, ворвавшись вовнутрь комнаты, мгновенно потушил слабо горевшие свечи. В этот момент Лючия замороженно наблюдала за незнакомцем, чьи серебристые длинные волосы развевались на ветру, придавая его облику еще больше таинственности, а силуэт освещала лишь яркая луна. Его зоркие золотистые глаза напоминали взгляд хищника — с виду покладистого, но готового в любой момент вцепиться в глотку противника.

— ...Кто вы?

— Вы не помните меня, госпожа? — задавая этот вопрос, парень вовсе не выглядел удивленным. — Прошло уже пять лет. Вам пора возвращаться домой, принцесса Мариэль Лючия Луи ма Грандэ. Ваше законное место ждет вашего возвращения.

Его слова прозвучали для Люции как самая безумная шут-

ка, от которой даже не хотелось смеяться.

— Ты демон-искуситель?

— Вы сможете это узнать, когда последуете за мной. И прошу, опустите формальности — вам это не к лицу.

— ...Ты сможешь помочь мне покинуть это место? Но почему я должна идти за тобой, если даже не знаю, кто ты и что меня ждет?

— Даже птицам в клетке позволяют порой полетать на свободе, предварительно подрезав крылья. Но вы сейчас выглядите как необъезженная мула, которую пришпорили и заперли в конюшне, — он перевел взгляд на закованную в тяжелые цепи ногу девушки и тихо добавил: — Или как дикий волк, купленный коллекционером.

Его глаза заблестели, еще ярче выражая грусть, а вместе с ней и гнев, который он, впрочем, тут же умело скрыл под маской безразличия.

— Если останетесь с ним, он никогда вас не отпустит. Вы до конца своих дней будете лишь наблюдать за одинокой лунной через это окно да ждать мужчину, у которого давно есть своя семья. В конце концов вы забудете, как ходить, разговаривать с людьми и жить самостоятельно — превратитесь в настоящую куклу. Ваша жизнь станет хуже, чем у птицы с отрезанными крыльями. А что будет, если вы понесете от него ребенка? Как, по-вашему, сложится его судьба? — он сделал паузу, наблюдая, как меняется лицо девушки. — Раз-

ве не лучше сделать шаг в неизвестность, чтобы вдохнуть ту свободу, которой вы были невольно лишены?

— Ты ведь не человек?

— Нет. Вы боитесь меня?

— Наверное, должна была бы...

На ее ответ мальчик лишь добродушно усмехнулся и одал девушку ласковым взглядом.

Мотыльки в крошечной темноте, заведя огонек, начинают воспринимать окружающую ночную мглу как тесную ловушку и в поисках выхода летят прямо на свет, даже не подозревая, что в конце их ждет гибель. Точно так же и Лючия, запертая и униженная в этой комнате, словно отчаянный мотылек, протянула руку незнакомцу, не зная, к какому исходу приведет этот выбор.

Только и ждавший этого парень с невероятной, нечеловеческой скоростью приблизился к ней и двумя руками легко, словно паутину, сломал тяжелые цепи. На секунду он замер перед ней, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, будто не зная, как поступить дальше, и лишь потом нерешительно протянул руку. Все его движения — начиная с пугающей внешности и заканчивая нечеловеческой силой, от которой обычный человек должен был бы в ужасе бежать, — казались Лючии странно знакомыми и понятными ее разуму.

— Я не сделаю вам больно, госпожа. Не причиню вреда, буду покорно служить и тем более никогда не прикоснусь к вашему телу с теми грязными намерениями, кои вечно имеются у герцога Леонхарда при виде вас. Не бойтесь меня.

Его слова были настолько полны искренности, что Лючия сама вложила свою ладонь в его руку и придвинулась вплотную.

— Я бы хотела узнать... твоё имя. Как тебя зовут?

— ...Михай.

Мальчик подхватил её на руки — предельно бережно и аккуратно, будто боялся причинить малейшее неудобство или боль, — и направился к окну.

— С-стой! Ты собираешься прыгать отсюда?

— Ну да, — невозмутимо ответил парень. — Я же через него и забрался.

— Но это окно на крыше, а внизу — обрыв...

Девушка не успела договорить: он уже шагнул за подоконник. А в этот самый момент сзади раздался резкий скрип торопливо отпираемой двери и испуганный крик дворецкого, обнаружившего пропажу пленницы.

— У нас есть записи обо всех принцессах с таким именем? — спросил герцог Александр Борджелло, который до

этого момента хранил молчание. Он выглядел гораздо моложе своих сорока лет и по сей день разбивал сердца благородных дам своей неизменной красотой. Все как один твердили, что именно герцог Борджелло является символом мужественности и лицом всей империи.

— История редко сохраняет имена личностей, которые ничем не отличились за свою жизнь, — ответил профессор. — Но в архивах упоминаются две принцессы с таким именем. Первая — принцесса Лючия Шарлотте ван Грандэ, дочь короля Арнольда I, правившего примерно в 365–324 гг. до н. э. Она стала наложницей императора Карла из империи Сноволл и была сожжена за неповиновение мужу. Вторая же — принцесса Лючия Мерием ма Грандэ, дочь последнего короля Йохана, умершая в возрасте двенадцати лет от волчанки.

— В ее воспоминаниях явно говорилось о ребенке, которого король, возможно, убил. А также о нежелании Лючии садиться на трон. Исходя из этого, возможно, это первая принцесса, о которой мы говорили, хотя та и не носила имя Лючия Луи Грандэ. Но сначала разъясните, в чем разница между приставками «ван» и «ма», которые отличаются в этих именах?

— В Этрурсии в древние времена высоко почиталась благородная кровь, особенно у правящей семьи. Чтобы четко знать, чей статус выше остальных, они использовали эти различия. «Ма» могли носить лишь принцы и принцессы, рож-

денные в законном браке короля и королевы, «ван» же получали дети, рожденные на стороне — то есть бастарды или отцы от второго брака. Их статус изначально был ниже, и поднять его было невозможно. И простите, герцог, я не присутствовал на церемонии, поэтому, возможно, вы назовете мне все слова и картины, которые вам запомнились?

— В этом нет необходимости. Позовите писарей, — приказал император.

Хм... — задумчиво протянул профессор, внимательно вчитываясь в исписанный лист бумаги, который принес самый расторопный писарь.

«...Айзенберг... Леонхард... Лючия, человеческая жизнь хрупка... Н-нет. Только не это. Герцог... Ты до конца дней будешь возле меня! Неважно, нравится тебе это или нет! Вам пора возвращаться..., принцесса... ждет... Михай... Нет! Мой ребенок! Он ведь не виноват. Прошу, не убивай его... Отец! ...Все ради... Грандэ... Это уродство не моё-е, не-ет. Эта шлюха... изменяла... В роду великого Грандэ не может родиться такое чудище. Ха! Я купил ее... А может, мне родишь ты? Моя драгоценная сестра... Будь тише... Кто ты такой, чтобы мне перечить?! Во всем виновата ты сама!.. Адальберт... Я убийца... Принцесса... убейте!.. Я пойду по их головам... тебя я не убью... Всего лишь тринадцать...» — голос Люции стал уверенным. «Ты сделал меня таким... Отец...

Я не сяду на этот трон... Ты слаб!.. Я хотел тебя защитить... Я приказываю... возглавить армию... Сумасшедшая... Отдайте мне ваши жизни! ...Решил избавиться... думал, не доберусь?.. Я умру на твоих руках!.. Принцесса... Лючия... Луи... Грандэ... завоеватель... ты последняя... убей... Михай... моя месть... Таким, как я, не стоит жить в этом мире... Нет человека страшнее, чем принцесса... Такие не рождались и не рождаются... Пора умирать... Знаю твою сумасшедшую любовь, герцог Рафаэль фон... Прощайте... хозяйка... Я... буду ждать...» — профессор вслух перечитал самые интересные для него фрагменты.

— Как же это интересно! — воскликнул он, восторженно улыбаясь, как одержимый. — Ваше Величество, судя по всему, мы находимся на пороге разгадки самой кровавой и величайшей тайны в истории.

— Что вы поняли? Расскажите и нам. Не томите.

Профессор к тому моменту уже ушел в себя. Он не находил места, торопливо шагая к окну и обратно, беспрестанно бормоча что-то под нос в безуспешной попытке сопоставить разрозненные факты и собрать единый пазл.

— Леонхард и Айзенберг... — пробормотал он. — Ваше Величество, если я не ошибаюсь, знаменитый лес Айзенберг и по сей день является родовым имением герцогства Леонхард в Эртруссии. Но в те времена, когда род Грандэ еще су-

ществовал, эти земли были частью герцогства империи Сноволл. Возможно, тогдашний герцог из политических соображений похитил принцессу и заточил ее? Но зачем?

— Возможно, герцог и вправду похитил принцессу, чтобы получить сильного наследника с чистой кровью Леонхардов и Грандэ. Материнская линия имеет решающее значение — так было всегда, — размышлял император, прижав кулак к подбородку. — Сейчас мы пытаемся выяснить, кем была Лючия Луи Грандэ, но наша главная цель — понять, что именно связывает ее с тем чудовищем. Если имя, которое она произнесла, действительно принадлежит предводителю монстров, мы можем предположить, что он жил среди людей еще до появления первой трещины и наступления нашей эры.

— Да, Ваше Величество, вы абсолютно правы. Самая устрашающая теория, которая приходит мне на ум: некая принцесса Лючия могла отдавать ему приказы или о чем-то просить. «...убей... Михай...» — вы ведь говорили, что именно так звучало в видениях. Случайно ли огромная империя стерла собственную историю и скрыла саму суть своих завоеваний? Разве не этим им следовало гордиться? Либо сама принцесса стала причиной столь чудовищных аномальных изменений, либо некий затаивший обиду монстр, мирно живший среди людей в те эпохи, решил отомстить за причиненное зло. Мы точно знаем, что Эртруссия страдает от набегов монстров точно так же, как и мы. Возможно ли, что

именно принцесса Лючия нанесла существу такую рану, которая пробудила в нем неизбывную ярость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.